

УДК 9(571.1/.5) «1914/1918»

Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой войны

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается вопрос об участии народов Сибири в тыловых работах в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, народы Сибири, воинская повинность, тыловые работы.

Первая мировая война (28 июля 1914 г. – 11 ноября 1918 г.) – один из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества. Это название утвердилось в историографии только после начала Второй мировой войны в 1939 г. В межвоенный период употреблялось название «Великая война» (англ. The Great War, фр. La Grande guerre), в Российской империи ее также называли Великой войной, Большой войной, Второй Отечественной, а также неформально (и до революции, и после) – германской; затем в СССР – империалистической войной. Грандиозный масштаб и затяжной характер Первой мировой войны привели к беспрецедентной для индустриальных государств милитаризации экономики. Это оказало влияние на ход развития экономики всех крупных индустриальных государств в период между двумя мировыми войнами: усиление государственного регулирования и планирования экономики, формирование военно-промышленных комплексов, ускорение развития общенациональных экономических инфраструктур (энергосистемы, сеть дорог с твердым покрытием и т. п.), рост доли производств оборонной продукции и продукции двойного назначения. Первая мировая война ускорила разработку новых вооружений и средств ведения боя. Впервые были использованы танки, химическое оружие, противогаз, зенитные и противотанковые орудия, огнемёт. Широкое распространение получили самолеты, пулеметы, минометы, подводные лодки, торпедные катера. Резко выросла огневая мощь войск. Появились новые виды артиллерии: зенитная, противотанковая, сопровождения пехоты. Авиация превратилась в самостоятельный род войск, который стал подразделяться на разведывательную, истребительную и бомбардировочную. Возникли танковые войска, химические войска, войска ПВО, морская авиация. Увеличилась роль инженерных войск и снизилась роль кавалерии. Также появилась «окопная тактика» ведения войны с целью изматывания противника и истощения его экономики, работающей на военные заказы. Потери вооруженных сил всех держав – участниц мировой войны

составили около 10 млн человек. До сих пор нет обобщенных данных по потерям мирного населения от воздействия боевых средств. Голод и эпидемии, принесенные войной, стали причиной гибели как минимум 20 млн человек.

Боевые потери русской армии убитыми в боях по разным оценкам составили от 775 до 911 тыс. человек, а всего в действующую армию было призвано 39 % от всех мужчин в возрасте 15–49 лет. Следствием Первой мировой войны стали Февральская и Октябрьская революции в России и Ноябрьская революция в Германии, ликвидация четырех империй: Российской, Германской, Османской и Австро-Венгрии, причем две последние были разделены.

В российской историографии истории Первой мировой войны уделялось немного внимания. Оценки целого ряда событий до сих пор полемически заострены, остаются спорными или изучены весьма фрагментарно. Высказанные суждения, как представляется, вполне применимы к оценке роли и участия Сибири и сибиряков в этой войне. Несмотря на приближающийся 100-летний юбилей Первой мировой, мы вынуждены констатировать, что в значительной мере эта война для нас остается еще неизвестной. Предлагаемая статья имеет целью в определенной мере восполнить этот пробел. В ней речь пойдет о таком малоизвестном событии, как попытки призыва сибирских инородцев на военную службу. Источниковой базой публикации послужили нормативные материалы Полного собрания законов Российской империи и делопроизводственные документы, выявленные автором в московских и Санкт-Петербургских архивных хранилищах.

Здесь необходимо отметить, что автор вкладывает в понятие «сибирские инородцы». На протяжении 300-летней истории досоветской Сибири официальное название коренных народов края неоднократно менялось. На протяжении XVII в. и в начале XVIII в. их обычно называли ясачными иноземцами. Тем самым как бы признавалось незавершенность процесса присоединения данных, пока еще «порубежных», территорий, о которых правительство зачастую имело весьма смутные представления. Это было косвенное признание Сибири «чуждой» территорией, еще не ставшей составной частью России. Административное подчинение вновь присоединенных восточных территорий Посольскому приказу отражало характер даннических отношений между Москвой и народами Сибирского царства. По мере упрочения положения русских в Сибири, с основанием административных центров, дальнейшим расширением вновь осваиваемой территории этот порядок должен был измениться. В первой половине XVIII в. административную и юридическую практику входит другой термин – «ясачные иноверцы». Само его появление означало, что правительство теперь стало рассматривать Сибирь как «свою» территорию, а ее население – как поданных российского царя, но иной, нехристианской веры. В 1822 г. М. М. Сперанский, в связи с введением «Устава об управлении инородцев», вводит новый термин – «сибирские инородцы», к которым были отнесены все коренные народы Сибири, разделенные на три разряда: оседлые, кочевые и бродячие. Права и обязанности, система управления, организация суда и т. д. каждой из этих категорий были прописаны в законе. Одной из основных особенностей, отличавших сибирских инородцев

от других податных сословий империи, например крестьян, стало освобождение их от воинской повинности. Иными словами, в Российской империи появилось сословие, права и обязанности, специфические особенности которого были закреплены в законе. Именно в сословном смысле употребляет термин «инородцы» автор публикации. Освобождение сибирских инородцев от отбывания воинской повинности было одним из проявлений политики имперского регионализма, родоначальником которой как раз и являлся М. М. Сперанский. В этом смысле «Сибирское учреждение» вполне вписывалось в палитру общероссийского законодательства об управлении окраинами государства, т. е. находилось в русле общегосударственной политики. Как известно, в 1809 г. Финляндия, бывшая шведская провинция, после присоединения к России получила автономный статус Великого княжества Финляндского, положение которого было весьма привилегированным даже по сравнению с коренными областями империи. В декабре 1815 г. император Александр I даровал конституцию Польше, считавшейся по тем временам верхом либерализма в Европе. На Кавказе, который представлял собой весьма пестрый конгломерат этносов и религий, была проведена административная реформа, имевшая целью прочнее увязать этот важный в стратегическом отношении регион с Россией, но в то же время построенная с учетом местных этнических, религиозных и иных традиций. Не случайно выдающиеся русские юристы А. Д. Градовский, Б. Э. Нольде в начале XX в. отмечали, что еще 100 лет тому назад автономия русских административных окраин была традицией.

Расширение территории государства и, как следствие, усложнение внутривластных, в том числе и управленческих, задач выдвигали перед правительством задачу поиска путей инкорпорации новых территорий в общеперское пространство. Одним из таких способов и стала разработка регионально-территориального законодательства, в котором отчетливо отражались геополитические особенности конкретных территорий. Сибирское законодательство 1822 г. логично вписывалось и дополняло доктрину окраинной политики самодержавия. Оно стало первым опытом комплексного регионального законодательства в империи, действовавшим без существенных изменений вплоть до конца XIX в. и опередившим общероссийскую кодификацию на десять лет.

Однако в пореформенные десятилетия правильность такой политики оказалась под сомнением. Правительство выдвинуло на повестку дня то затухавший, то вновь обостряющийся спор о целесообразности сохранения региональных особенностей в организации управления окраинными территориями. Начавшаяся ломка учреждения Сперанского была связана с изменением основных доминант политики самодержавия по отношению к окраинам государства. Расширение азиатских и дальневосточных владений России требовало активизации и изменения ориентиров в административной и, как следствие, в законодательной политике. В высших правительственных сферах все чаще стали раздаваться призывы к реорганизации системы управления сибирскими губерниями на «общих основаниях». Нельзя не заметить, что проведение этих мероприятий по времени совпадает с эпохой контрреформ.

Одним из объектов критики сословных привилегий сибирских инородцев, раздававшейся из лагеря сторонников русификаторской политики, было освобождение аборигенов от воинской повинности. Сторонники привлечения их к воинской службе исходили из мысли, что предоставление аборигенам льгот по отбыванию воинской повинности подрывает принципиальные основы лозунга «Россия для русских». При таком положении русский человек, отбывающий воинскую повинность, никакого расового преимущества перед аборигенами не ощущает. В результате у инородцев утрачивается представление о мощи великой России. Надо было положить решительный конец подобным разговорам и действиям, а всем туземцам дать понять, что курс по отношению к ним «держится отныне твердый и что им не уйти в недалеком времени от службы в русских войсках» [12].

Говоря о попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, следует отметить, что царское правительство, не возражавшее в перспективе видеть народы Сибири совершенно обрусевшими, в данном вопросе при обсуждении практических мероприятий проявляло сдержанность. Причины подобной нерешительности следует искать в факторах внутривнутриполитического порядка. На это откровенно указал в 1910 г. начальник генерального штаба генерал-лейтенант А. Е. Генгрос в письме начальнику управления по делам о воинской повинности С. А. Куколь-Яснопольскому: «Исторический опыт показал, что создание туземных инородческих войск имело в конечном итоге один результат, именно необходимость их расформировать, как только на данной окраине обострялось национальное самосознание» [7].

Разговоры о привлечении сибирских аборигенов к военной службе возникли в связи с введением Устава о воинской повинности 1 января 1874 г. [17]. Уже в следующем году иркутский губернатор К. Н. Шалашников в отчете в министерство внутренних дел писал, что внес этот вопрос на рассмотрение штаба Восточно-Сибирского военного округа [4]. Подобные же предложения спустя два года, но уже от имени генерал-губернатора Восточной Сибири П. Фридерикса, были доставлены военному министру Д. А. Милютину. В соответствии с указом Александра II военное ведомство в это время занималось разработкой особых положений об отбывании воинской повинности инородческим населением всей империи. Несогласие военного министра с рекомендациями комиссии привело к тому, что вопрос о привлечении сибирских аборигенов к службе в армии был отложен на неопределенное время [16].

Тем не менее правительство всегда подчеркивало «принципиальную важность участия инородцев в воинской службе, как одной из главных государственных повинностей, имеющей значение объединяющего в политическом смысле и цивилизующего начала» [13]. Не случайно в 1887 г. на ходатайстве Приамурского генерал-губернатора Л. Н. Корфа о привлечении аборигенов к воинской службе Александр III наложил резолюцию: «Это желательно».

В 1896 г. после рассмотрения этого вопроса в штабах Иркутского и Омского военных округов была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева, основной задачей которой стала разработка положений о привлечении аборигенов Сибири к отбыванию воин-

ской повинности. В состав комиссии вошли ответственные чиновники министерств: внутренних дел, императорского двора, военного, морского, финансов [14]. Совпадение во времени работы этой комиссии с изданием аграрных, административных и податных законов конца XIX в., направленных на ликвидацию сословия инородцев, является неслучайным.

Комиссия Обручева попыталась дифференцировать народы Сибири по уровню хозяйственной деятельности и степени оседлости. В соответствии с этим принципом признавалось возможным привлечь к отбыванию воинской повинности на общем основании только оседлых и кочевых аборигенов Тобольской и Томской губерний [15]. Коренных жителей Восточной Сибири к несению воинской службы предлагалось привлекать на основании специально изданных правил. А. Н. Куропаткин, назначенный к тому времени военным министром, доложил в январе 1902 г. Николаю II о результатах работы комиссии Обручева, однако высказался против реализации ее предложений. Он считал порочным сам принцип дифференцированного привлечения сибирских аборигенов к воинской службе. Куропаткин заявлял о необходимости привлечь к отбыванию воинской повинности всех оседлых и кочевых коренных жителей как Западной, так и Восточной Сибири и Забайкалья. Конкретную разработку соответствующих предложений, по мнению военного министра, следовало поручить министерству внутренних дел как ведомству, наиболее осведомленному об истинном положении народов Сибири. Идея понравилась Николаю II, и предложения военного министра были утверждены.

Начавшаяся вскоре Русско-японская война и последовавшая за ней революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на неопределенный срок. Правительство вернулось к нему лишь осенью 1909 г. в связи с созданием специальной межведомственной комиссии по пересмотру Устава о военной службе. К этому времени в правящих кругах России крепло мнение о нежелательности формирования из инородцев особых воинских подразделений, с одной стороны, и необходимости привлечения их к отбыванию воинской повинности – с другой. При обсуждении этого вопроса в Государственной думе депутаты высказались за введение натуральной воинской повинности для аборигенов.

Для вынесения окончательного суждения летом 1910 г. в Сибирь был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С. А. Куколь-Яснопольский. Поездке высокопоставленного военного чиновника предшествовал секретный циркуляр премьер-министра П. А. Столыпина на имя сибирских губернаторов, в котором Столыпин потребовал от них предоставить этому чиновнику все средства и возможности для исполнения важного поручения. В распоряжениях по данному вопросу предписывалось соблюдать осторожность и строгую тайну. Необходимость такой предосторожности П. А. Столыпин объяснял опасением «вызвать... тревогу инородцев» [8], и без того недовольных насаждением аграрных, административных и податных преобразований. Для правительства не являлось секретом негативное отношение коренного населения к этим реформам. Поэтому Столыпина не мог не волновать вопрос о том, как поведут себя аборигены края в случае привлече-

ния их к отбыванию воинской повинности, насколько будут активны и серьезны проявления их протестов. Подобные опасения подтверждают «вопросы для беседы», разработанные Куколь-Яснопольским. Всего было составлено 20 вопросов, из них военным сюжетам посвящено семь, остальные носили политический характер. Автора программы обследования особенно беспокоило возможное «возбуждение и неудовольствие» аборигенов предлагаемыми ко введению мерами, формы и сроки его проявления. К числу важнейших Куколь-Яснопольский отнес вопрос о потенциальном поведении инородческого войска в период внутренних потрясений и кризиса [9].

Поездка Куколь-Яснопольского по Сибири проходила по расписанному сценарию. В Омске, Красноярске, Иркутске и Чите были проведены конфиденциальные совещания, на которых обсуждались вопросы привлечения к отбыванию воинской повинности аборигенов данной губернии, области. Круг участников совещаний был стереотипным – это губернаторы, неперемные члены губернского присутствия по крестьянским делам, крестьянские начальники, чиновники переселенческих управлений.

Отношение губернской администрации к привлечению аборигенов к воинской повинности было достаточно осторожным, что объясняется общим недовольством аборигенов проводимыми реформами. На наличие этой связи совершенно определенно указал томский вице-губернатор И. В. Штивен. Коренные жители губернии, по его мнению, были сильно возбуждены проводимыми у них преобразованиями. В целях спокойного завершения этих сложных реформ Штивен рекомендовал не обострять еще более возбуждение инородцев и отложить введение у них воинской повинности. Мнение вице-губернатора разделяли и участники конфиденциального совещания, которые опасались, что «это неизбежное при введении означенной повинности волнение среди инородцев перейдет в открытое сопротивление» [10]. Участники совещания констатировали, что административные преобразования у аборигенов проводятся принудительно. Поэтому в качестве выхода из создавшегося положения предлагалось вместо воинской повинности ввести воинский налог, который аборигены будут платить вполне охотно.

Подобные же предложения были высказаны и в Енисейской губернии. Иное решение было принято на совещании в Иркутске. Участники обсуждения, проходившего под председательством генерал-губернатора Селиванова, правда, отметили, что отношение бурят к воинской повинности является по существу отрицательным. Тем не менее они полагали, что легче «взять человека, чем деньги, так как у большинства бурят денег нет», и введение воинского налога «поведет лишь к новой кабале инородческой массы богачами». Администрация Забайкальской области также считала возможным привлечение коренных жителей края к отбыванию воинской повинности. В то же время в целях «сохранения лояльности бурят» предлагалось «не усиливать напряженность в действиях миссионеров и не стеснять религиозных воззрений инородцев» [11].

В Якутской области местное начальство еще в 1901 г. признало «весьма желательным в целях обрусения» аборигенов привлечь к отбыванию воинской

службы кочевых инородцев Олекминского, Якутского и Вилюйского округов [3]. В целом администрация большинства сибирских губерний и областей выразила согласие на введение воинской повинности у аборигенов в той или иной форме. В основе этого решения лежали внутривластные интересы, связанные, прежде всего, с дальнейшей русификацией аборигенов.

Таковы были основные итоги поездки Куколь-Яснопольского по Сибири. Несмотря на стремление центральной администрации ускорить решение вопроса о возможности привлечения сибирских аборигенов к воинской повинности, сам Куколь-Яснопольский полагал, что даже при благоприятных условиях новый закон о воинской повинности не может быть принят ранее 1912 г. [5]. Однако он ошибся. В силу царившего в имперском делопроизводстве бюрократизма рассмотрение этого вопроса затянулось. Материалы поездки Куколь-Яснопольского по Сибири поступили в военное министерство, а оттуда были переданы в созданную при Главном управлении Генерального штаба комиссию по пересмотру устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. при слушании этого вопроса в Комитете министров было решено, что привлечение аборигенов Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности «по обстоятельствам, времени и условиям их быта представляется возможным» [6].

1 августа 1914 г. грянула Первая мировая война. Вслед за этим последовало положение Комитета министров о реквизиции, в соответствии с которым сибирские аборигены подлежали мобилизации на тыловые работы. В первую очередь это касалось лиц с 19 лет до 31 года. Положение о реквизиции предписывало всем должностным лицам инородческого управления и русской администрации «убедительно разъяснить, что инородцы, донныне не несущие тягостей настоящей войны, теперь государем императором призываются на остальное время войны для нужных армий тыловых работ за плату продовольствием от казны». Для лиц старших призывных возрастов предписывалось составить поименные списки. Обеспокоенное положением дел на фронтах, царское правительство подчеркивало «крайнюю необходимость скорейшего получения весьма значительного количества рабочих» в кратчайший срок. В Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Киренске, Красноярске, Ачинске организовывались специальные сборные пункты для аборигенов. К июлю 1916 г. на них скопились тысячи людей. Между тем сборные пункты были совершенно не подготовлены к приему такого количества призывников. Начальник Иркутской местной бригады генерал-майор Наперстков доносил в штаб Иркутского военного округа, что на сборных пунктах «ни помещений, ни котлов для кухонь не имеется и нет муки и других продуктов» [18]. Местная администрация даже не представляла, где взять необходимое количество обуви и одежды, чтобы одеть и обуть босых и неодетых аборигенов. Следует отметить, что царские чиновники и кулацкая верхушка инородческого общества попытались в первую очередь направить в армию детей бедняков [1]. Последние являлись на сборные пункты без всякого запаса продуктов. Понятно поэтому, что многие аборигены на сборных пунктах владели буквально голодное существование.

В июле 1916 г. начальник Главного штаба известил штабы сибирских военных округов о невозможности в настоящее время перевезти в район действующей армии всю призываемую инородческую массу рабочих. Во избежание продолжительного бездельного пребывания аборигенов на сборных пунктах местным воинским начальникам предписывалось впредь согласовывать начало призыва с окружными штабами. К этому времени на сборных пунктах находилось около 10 тыс. аборигенов. Однако на фронт они так и не прибыли. Сознавая полную невозможность перевезти эту массу людей в район действующей армии и не имея возможности содержать их на сборных пунктах, Николай II, в виде «особой милости», перенес мобилизацию аборигенов на середину сентября [19]. Скопившееся на сборных пунктах население предписывалось распустить по домам.

Мобилизация коренного населения Сибири на тыловые работы вновь началась летом 1916 г. По одному Якутскому округу предполагалось мобилизовать около 10 тыс. человек, которые после медицинского освидетельствования должны были прибыть на сборный пункт в Якутск. Однако на тыловые работы якуты не попали. Правительство отложило их мобилизацию по ходатайству товарищества «Лензолото» [2]. В остальных районах Сибири мобилизация аборигенов продолжалась. Поначалу аборигены направлялись для работы на предприятиях, расположенных в районе Сибирского заводского совещания. Это были Иркутский металлический завод, Черемховские каменно-угольные копи, завод Томского товарищества кожевенного производства, фабрика Бородиных в Бийске, управление томской железной дороги и др. Всего осенью 1916 г. на предприятия было направлено около 2 тыс. аборигенов. В 1917 г. география размещения мобилизованных коренных жителей расширилась. Особенно много аборигенов направлялось в Архангельск для работ на предприятиях Беломорского водного района [20]. Всего с июля 1916 по январь 1917 г. на тыловые работы было мобилизовано около 21 тыс. коренных жителей Сибири. Однако практика отправки сибирских аборигенов в районы, удаленные от мест их постоянного проживания, мало оправдала себя. Донесения местных воинских и гражданских чиновников пестрят сообщениями о болезнях и побегах аборигенов, свидетельством чего является отправленное в начале 1917 г. инстанциям донесение начальника штаба Иркутского военного округа о том, что «инородцы, призванные на тыловые работы, перебегают из одних предприятий в предприятия, находящиеся вблизи их домов».

Мобилизация аборигенов на тыловые работы продолжалась и после свержения самодержавия в феврале 1917 г. Это породило массовое недовольство трудового населения. Весной 1917 г. началось упразднение сборных пунктов. Одним из первых в середине апреля по решению Верхнеудинского исполнительного комитета общественных организаций был упразднен местный сборный пункт, а коренное население распущено по домам. В конечном итоге Временное правительство было вынуждено издать специальный указ о приостановлении мобилизации аборигенов на тыловые работы. Однако данный указ не отменял, а лишь приостанавливал мобилизацию. Временное правительство, выражая интересы заинтересованной в войне буржуазии, подчер-

кивало, что дальнейшее использование инородческого труда для нужд войны будет установлено в соответствии с новым началом государственного строя. Таков финал истории попыток самодержавной власти по привлечению сибирских аборигенов к отбыванию воинской повинности.

Список литературы

1. Апяатов Ч. Путь батрака // Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти. – Горно-Алтайск, 1957. – С. 61–62.
2. История Якутской АССР. – М., 1957. – Т. 2. – С. 402–403.
3. Общее обозрение Якутской области 1892–1902 гг. – Якутск, 1902. – С. 67.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 69. Д. 310. Л. 6 об.
4. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1335. Л. 206.
5. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1335. Л. 434 об.
6. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 15.
7. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 30.
8. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 46–46 об.
9. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 129 об. – 130, 135.
10. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 147, 148, 198, 211.
11. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 52 об. – 53.
12. РГИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.
13. РГИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 221. Л. 6.
14. РГИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 215. Л. 5–6.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1450. Оп. 7. Д. 1. Л. 203.
16. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.
17. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 303. Л. 30.
18. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 303. Л. 145, 197–198.
19. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 320. Л. 9, 26, 36.

Draft of Siberian «Non-Russians» for Military Service in Rear Areas during World War I

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The author considers the issues of draft of indigenous people of Siberia for military service in rear areas during the First World War.

Keywords: World War I, indigenous people of Siberia, military obligation, service in rear areas.

Дамешек Лев Михайлович

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедра истории России
Иркутский государственный университет
664082, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-05-22
e-mail: levdameshek@gmail.com*

Dameshek Lev Mikhailovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Head, Department of History of Russia,
Historical Faculty
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664082
tel.: 8(3952)24-05-22
e-mail: levdameshek@gmail.com*